

ИМЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

Любое художественное произведение содержит первоэлементы, более или менее весомые в структурном и семантическом плане. Художественное пространство текста может успешно и плодотворно познаваться через его составляющие и их взаимодействие, даже если своеобразие компонентов, не обладающих ярко выраженными стилистическими потенциями, непосредственно не бросается в глаза. Всё же именно в тексте элементы всех уровней языка/речи в полной мере реализуют свой структурно-функциональный и художественный потенциал. Современные успехи в интеграции филологического знания позволяют углубить понимание взаимодействия формы и содержания, рассматривать компоненты и категории художественного текста, по образному выражению акад. Н.М. Шанского, под лингвистическим микроскопом [8]. Сложился современный подход к анализу единиц художественного текста, базирующийся на синтезе традиционных лингвистических приёмов и методов исследования идиостиля писателя. В то же время в лингвистической поэтике, несмотря на то, что изучению языковых средств в художественных текстах и в идиостиле писателя посвящены серьёзные работы (В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Д.Н. Шмелёва, В.П. Григорьева, И.Р. Гальперина и др.), всё ещё остаётся малоизученной и актуальной проблема текстообразующих возможностей единиц разных языковых уровней. В полной мере это касается и единиц синтаксиса: целесообразно соотнести их предложенческие функциональные способности с художественным шифром текста. Особенности авторского идиостиля проявляются на всех языковых уровнях, включая синтаксический. Проникновение в пласты текста, сбор соответствующего материала может привести к предположению, а далее – к выводам о специфике (если она существует) функционирования той или иной конструкции (имеем в виду при этом центральное положение предложения в системе синтаксиса).

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть сочетание языковых аспектов синтаксиса с речевыми (на материале романа А. Белого «Петербург», а именно на извлечённых из текста при сплошной выборке именных сказуемых). При этом целью работы является анализ именного сказуемого – как одного из типов сказуемого, а также как потенциально текстообразующего элемента. Конструкция относится к широко употребительным в романе и может быть подвергнута классификационному описанию. Учитывая системную комплиментарность синтаксиса, уместным станет синтезированный подход к изучаемому грамматическому феномену, поэтому естественным будет проникновение в механизм сборки составного именного сказуемого и учёт лексико-грамматических качеств его строевых компонентов. В любом случае словоформа в её синтаксическом использовании наращивает определённое синтаксическое значение. В то же время прецедент неоднословной формы как минимальной синтактико-семантической единицы языка, несущей обобщённый категориальный смысл и характеризующейся взаимодействием морфологических, семантических и функциональных признаков [2, 4] учитывает семантический и синтаксический потенциал формы, то есть особенности её функционирования в синтаксических построениях.

Составное глагольное сказуемое находится на пересечении двух разнородных оппозиций: по способу раздельно/слитно выражать значение оно противостоит простому глагольному, а по морфологическому выражению присвязочного компонента – именному. Составное же именное сказуемое противостоит лишь глагольному сказуемому: реализуется только оппозиция по морфологическому способу выражения, а соотношение с простым членом оппозиции системно, но существует как чисто условное: такой тип сказуемого принципиально отсутствует в парадигме. Напр.: *Невский Проспект прямолинеен (говоря между нами), потому что он – европейский проспект; всякий же европейский проспект есть не просто проспект, а (как я уже сказал) проспект европейский, потому что... да...*

Потому что Невский Проспект – прямолинейный проспект. [1, 9].

В любом составном сказуемом сосуществуют две части, что однако не ведёт к избыточности – ни к семантической, ни к функциональной. Каждый компонент составного именного сказуемого нуждается в другом и дополняет его, модифицируя свои свойства и образуя один член предложения (даже если связка не выражена материально). В этом заключается аналитизм неоднословного члена предложения. Следует обратить внимание на то, что бинарность конструкции предопределила два тесно связанных между собой направления в изучении именного сказуемого: описание особенностей 1) связки (свойства, семантика, роль в предложении, функция в конструкции составного сказуемого, типология); 2) присвязочного компонента (семантические, морфологические конструктивные, функциональные характеристики, статус в конструкции сказуемого).

Составное сказуемое, какого бы морфологического типа они ни было, принципиально представляет собой конструкцию определённого состава: основная часть дополняется вспомогательной частью, в этом построении урегулированы и уравновешены роли компонентов члена предложения, соединение которых модифицирует и распределяет лексическое и грамматическое начало.

При исследовании компонентов составного сказуемого именного типа может быть сделано уточнение относительно того, что выступает в качестве вспомогательной части и каково материальное выражение основной части. Свойства цельного словосочетания, присущие составному глагольному сказуемому, не реализуются в составном именном, т.к. вспомогательная часть не является самостоятельным словом, способным формировать словосочетание (отметим, что неслучайно она называется именно связкой, т.е. терминология точна в констатации её роли). Итак, вспомогательную роль выполняет глагол-связка, а присвязочный именной компонент (иногда он по сути условно именной) представлен любой словоформой, кроме инфинитива.

Далее логично углубиться в компоненты сказуемого: описать и дифференцировать связки, а также уделить внимание форме и функции присвязочного компонента. Разделение функций компонентов отражается прежде всего в распределении ролей составляющих в выражении лексического и грамматического значения этого главного члена предложения.

Если связка в какой-то мере ещё может соперничать с присвязочным компонентом в выражении лексического значения, то выражение грамматического значения – это полностью прерогатива связок, которые обеспечивают сказуемое грамматически в категориях наклонения, времени, лица (в то же время по способности в той или иной мере удерживать и манифестировать лексическое значение и их реальной грамматизации происходит разделение связок на типы). Углубление в формальные характеристики сказуемого требует подробной классификации обоих компонентов, однако размер и жанр данного исследования позволяют остановиться лишь на одном аспекте, поэтому представим здесь лишь некоторые характеристики присвязочного компонента.

Семантика именной части составного именного сказуемого разнообразна по формальному выражению и значению. Исчерпывающая характеристика этой части конструкции возможна в каждом конкретном случае лишь при условии её подробного и многоаспектного описания в структурно-семантическом разрезе, например, с учётом структурной схемы предложения (по крайней мере требуется знать, односоставное или двусоставное предложение обслуживает сказуемое). С другой стороны, при описании предмета изучения исходной точкой может быть и морфологическое наполнение его вещественной (присвязочной) части. «Действительно, формы морфологических категорий (хотя и не всех) в предложениях на основе синтаксической связи передают ту или иную семантику, которую соответственно и можно назвать синтаксической семантикой» [5, 51]. Таким образом, располагаясь в особом поле встречно направленных параметров, составное именование сказуемое проявляет себя как многомерный предмет и требует послойного истолкования.

Так, семантику этого члена предложения даже в самом общем виде не удаётся интерпретировать однозначно: в ней прямо или косвенно отражается факт корреляции сказуемого с подлежащим (если предложение двусоставное) или принципиального отсутствия подлежащего (в односоставном предложении).

В двусоставном предложении через составное именование сказуемое, как правило, выражается общее значение пассивного признака, которое проявляется в различных частных значениях. В плане качественных значений предикцируемый признак у сказуемого имеет определённое сходство с атрибутивным признаком определения, хотя и жёстко ориентируется на подлежащее, характеризует его каким-либо образом и разворачивается непосредственно в предложении. Ср.: <...> *Рука дедяня манила; позади него – в неизмеримости убегали века; впереди – дедяня рука открывала: неизмеримости; неизмеримости полетели навстречу. Рука дедяня!* [1, 410]. Атрибутивный определитель *дедяня (рука)* воспринимается как двойственный: он мыслится как существительный, но абстрактный признак, независимый, неотъемлемый от предмета характеристики (эти непредикативные формы принимают участие в построении словосочетания); сказуемое существует для называния свойства самого по себе, признака временного, непостоянного (при помощи связок участвует в конструировании предложения: *Рука дедяня!*). В некоторых случаях сказуемое раскрывает свои способности в обозначении физиологического или психологического состояния лица, названного подлежащим (существительное с разнообразным значением или личное местоимение): <...> *Аполлон Аполлонович оказался в синей броне* <...> [1, 139]; *Он был своей собственной тенью*. [1, 28]. В то же время составное именование сказуемое идеально подходит для выражения семантики тождества: *Бомба – быстрое расширение газов*...[1, 227]; *¹И одна убежавшая мысль была мыслью о том, ²что незнакомец существует действительно, ³мысль забежала обратно в сенаторский мозг*. [1, 27]; *быстрое расширение газов, была мыслью* – составные именные сказуемые (последнее, со своеобразным повтором, необычайно характерно для исследуемого текста).

В односоставном предложении данное сказуемое мало ограничено конструктивными обязательствами по отношению к подлежащему, однако вполне определённо можно говорить о его семантике: формируя в качестве основы односоставное безличное предложение, сказуемое передаёт широкое значение состояния кого-либо или чего-либо (физиологическое или психологическое, физическое или внутреннее состояние человека, состояние человека, обусловленное отсутствием чего-то, действительное состояние природы, действительное состояние стихии). Напр.: *‘Эта последняя фраза, как и превращение Шишнарфиева в Шишнарфнэ, опять что-то сонно напомнили: было мерзко, тоскливо, томительно.* [1, 292].

В тексте романа А.Белого «Петербург» присвязочные компоненты представлены богато и разнообразно – как с точки зрения семантических оттенков, так и в плане формального выражения. В то же время наполнение этих компонентов вполне соответствует традиционным воззрениям на их типы и виды. Нам остаётся лишь иллюстрировать рубрики материалом из романа, акцентируя внимание на необычных конструкциях и оттенках семантики. Уточнения требуют лишь одна позиция – связанная с инфинитивом: в некоторых источниках «с именным сказуемым сближается инфинитив, употребляемый при подлежащем, выраженном либо тоже инфинитивом, либо отвлечённым существительным» [7, 101] (этот вопрос требует отдельного освещения).

Укажем также на такую конструктивную особенность именной части сказуемого: по структуре различаются именная часть, представленная 1) отдельным словом, при этом фразеологизм равен слову (*Я – провокатор.* [1, 91]; *А что, Семёныч, скажите: арбуз – ягода?* [1, 408]) и 2) сочетанием слов (*Николай Аполлонович был бледней полотна.* [1, 186]; *Потому что Невский Проспект – прямолинейный проспект.* [1, 9]). Другая структурная особенность: присвязочным компонентом выступает не изменяемые (существительное, прилагательное, числительное, местоимение), то неизменяемые (категория состояния, наречие, деепричастие, инфинитив) формы именной части.

Имя прилагательное – краткое или полное: <...> *А в обычные времена Аполлон Аполлонович был с лакеями до обидности отменно вежливи и чопорен (за исключением шуток).* [1, 399]; в том числе в сравнительной форме: <...> *Каменные сенаторские глаза, окружённые чёрно-зелёным провалом, в минуты усталости казались синей и громадней.* [1, 13].

Имя существительное (в именительном или косвенном падеже): *Туда пролетели дракончики, что были расшиты на переливном халате (ведь халат-то стал щелью); в глубине мерцали там звёздочками... [1, 237]; <...> *Разорвутся сердца: самая разорвётся планета; и всё станет газом* <...> [1, 402]; *Арбуз, ваше высокопревосходительство, не ягода вовсе, а – овощ.* [1, 408].*

Причастие (страдательное) – краткое или полное: <...> *Любопытнее всего, что с колена ноги, на которую он прихрамывал, сукно было содрано* <...> [1, 393]; *Туда пролетели дракончики, что были расшиты на переливном халате* <...> [1, 237]; <...> *И – трепался лоскут, был приподнят студенческий сюртучок под накидкой, горбя спину и грудь; между целою и оторванной сюртучною фалдой пляшущий хлястик выдавался наружу* <...> [1, 393]; <...> *его поразило, что стол был не заперт; выдавался предательски ящик; он был полувывдвинут* <...> [1, 393]; *Коленька стал как-то скрытен...* [1, 402]; *И конвертики разрывались: за конвертом конверт; обыкновенный, почтовый – марка наклеена косо, неразборчивый почерк.* [1, 16].

Слова категории состояния: <...> *Ему стало тошно от ужаса* <...> [1, 183]; *Крайне, крайне печально: моё поведение...* [1, 256].

Фразеологизм: *Здесь был он последней инстанцией – донесений, прошений и телеграмм.* [1, 50].

В романе немало случаев своеобразного семантического подтягивания к типичному присвязочному компоненту слов, необходимых по цели сообщения: *Знаете ли – знаешь ли: трудное положение – быть государственным человеком* <...> [1, 409]; *Аполлон Аполлонович Абреухов был весьма почтенного рода: он имел своим предком Адама.* [1, 11]; *Николай Аполлонович был сенаторский сын.* [1, 12]; *Лента, носимая им, была синяя лента.* [1, 12]; <...> *И отец показался ему просто так себе, так себе: показался маленьким, стареньким – показался беспёрым курёнком* <...> [1, 183]; *В этом пляшущем доме он был, само собой разумеется, Николаем Петровичем, главой дома и родителем двух хорошеньких девочек восемнадцати и пятнадцати лет.* [1, 150].

В тексте разные формы присвязочного компонента часто причудливо соединятся в своей характеризующей синтаксической роли: *И это не главное: несравненно важнее здесь то, что благородно рождённый предок был Сим, то есть сам прародитель семитских, хесситских и краснокожих народностей.* [1, 11]; <...> *Всякая вещь, даже более того, – всякое название вещи после чтения этих трактатов казалось нелепым, и наоборот: всё мыслимое оказывалось совершенно безвещным, беспредметным.* [1, 93]; <...> *Инвентарь был зарегистрирован в порядке и установлен номенклатура всех полок и полочек* <...> [1, 14]; <...> *Право, право же: выглядел Николай Аполлонович хромоногим, горбатым, и – с хвостиком* <...> [1, 393].

Подводя итоги, следует отметить, что одной из малоисследованных областей поэтического языка остаётся морфология. Среди явлений поэтической морфологии особого внимания заслу-

живають словоформи як первоэлементы синтаксиса, что переводит тему нашего исследования в разряд перспективных. Структурно-семантический подход, установившийся в синтаксисе, позволяет решать задачи морфологического синтаксиса в межуровневой плоскости системы языка, а также в преломлении в речь. На современном этапе развития лингвистики при решении задач машинного анализа информации, аналитической обработки произведений речи, машинного перевода проникновение в формальную структуру художественного текста окажется добротным подспорьем при построении модели представления текста. Определение предикатного слова, его классификация, анализ, проникновение внутрь одного его типа живо соотносится с установкой современной филологии на то, что уже невозможно и бесперспективно противопоставлять лингвистику литературоведению.

Список использованных источников

1. Белый А. Петербург : Роман в восьми главах с прологом и эпилогом / Андрей Белый. – М. : Наука, 1981. – 696 с.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А.Золотова и др. – М. : Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова, 2004. – 544 с.
3. Левицкий Ю.А. Типы сказуемого в современном английском языке / Ю.А. Левицкий. – Пермь : Изд-во Пермск. гос. пед. ин-та, 1991. – 67 с.
4. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке / П.А. Лекант. – М. : Высшая школа, 1976. – 145 с.
5. Мухин А.М. Морфологические и синтаксические категории / А.М. Мухин // Исследования по языкознанию : К 70-летию члена-корреспондента РАН А.В. Бондарко. – СПб, 2001. – С. 51-55.
6. Ноздрин Л.А. Поэтика грамматических категорий / Л.А. Ноздрин. – М. : Тезаурус, 2004. – 212 с.
7. Скобликова Е.С. Современный русский язык : Синтаксис простого предложения / Е.С. Скобликова. – М. : Флинта, Наука, 2006. – 320 с.
8. Шанский Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом / Н.М. Шанский. – М. : Просвещение, 1986. – 160 с.

Анотація. Завдання поетики – аналізуючи художній твір, об'єднати лінгвістичний аспект і літературознавчий. Будь-який художній твір має першоеlementи, які є вагомими в структурному і семантичному плані. Для спостереження в якості таких першоеlementів нами обрано складний іменний присудок в його функціонуванні (в романі А.Бєлого «Петербург»). Докладно описується речова складова присудка.

Ключові слова: А.Бєлий, роман «Петербург», поетика, синтаксис, морфологічний синтаксис, присудок, складний іменний присудок.

Summary. Nowadays it is possible to watch how different approaches to language learning drift further away from each other and how representatives of different linguistic spheres limit their research with their strict bounds and terms. Nevertheless, one cannot disclaim the productivity of combining and coordinating the different approaches towards language and speech studies for the general development of linguistics as well as poetics. This disjuncture can be mended by studying language units as part of syntagmatics. Modern philology does not tend to juxtapose linguistics and literature studies; hence the topicality and productivity of studying syntactical structure projections in fiction for interdisciplinary sciences such as poetics. Any work of fiction contains basic elements more or less important structurally and semantically. This article focuses on compound nominal predicate as one of the aforementioned basic elements. The text providing the functionality of syntactic elements is 'Petersburg' by Andrei Belii, an experimental Symbolist novel which has not been given justice for its linguistic and poetic material. For a thorough research of an object (a compound nominal predicate which always consists of two components), one must study its structure. The article has analyzed and described both elements of the object in question, accentuating on the primary component (without focusing on detailed analysis of the copular elements). The basic part serving the grammatical plane of the compound nominal predicate in a sentence is the copular verb which, depending on its function, may include a lexical/semantic component. The second element is represented by various word forms and represents the primary component of a sentence member. The prospect of further research lies in an in-depth analysis of this particular predicate's every component.

Key words: Andrei Belii, 'Petersburg', poetics, syntax, morphological syntax, predicate, compound nominal predicate.

Отримано: 18.07.2015 р.